

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:

- Осколки великой мечты
- Быстрая и шустрая
- Даже ведьмы умеют плакать
- Кот недовинченный
- Красивые, дерзкие, злые
- Боулинг-79
- Пальмы, солнце, алый снег
- Наш маленький Грааль
- Внебрачная дочь продюсера
- Ревность волхвов
- Ideal жертвы
- Золотая дева
- Я тебя никогда не забуду
- У судьбы другое имя
- Та самая Татьяна
- Мадонна без младенца
- Семейное проклятие
- Изгнание в рай
- Над пропастью жизнь ярче
- Главная партия для третьей скрипки
- Мертвые не лгут
- Девушка не нашего круга
- Я все скажу

Сериал «Авантюристка»

- Отпуск на тот свет
- Все девушки любят бриллианты
- Проигравший получает все
- Второй раз не воскреснешь
- Предмет возжеления №1
- Оскар за убийную роль
- Дата собственной смерти
- Парфюмер звонит первым
- SPA-чистилище
- Вояж с морским дьяволом
- Биография smerti
- Девушка без Бонда
- Три последних дня
- Незримая связь
- Джульетта стреляет первой
- Жемчужные тени
- Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

- Эксклюзивный грех
- Рецепт идеальной мечты
- Коллекция страхов прет-а-порте
- Ледяное сердце не болит
- Одноклассники smerti
- В Питер вернутся не все
- Через время, через океан

Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела
Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпустят дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Несвятое
семейство

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Несвятое семейство : роман / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-186689-1

Журналист Дима Полуянов и его подруга Надя отправились в отпуск в Италию, на модную экологическую ферму. Там Надя неожиданно для себя стала объектом интереса красавца-актера Романа Черепанова. Более того, он отыскал ее и в Москве! Очаровал изысканными ухаживаниями и заинтересовал деловым предложением: вложить деньги в его необычный бизнес — театральный туризм. Надя уже готова была снять со счета свои многолетние сбережения, когда вышла статья, после которой девушка внесла номер Романа в черный список. А потом столицу потрясла новость о гибели молодого талантливого актера!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В.,
Литвинов С.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-186689-1

ПРОЛОГ

На это убийство обратили внимание многие.

В нем было нечто странное, нелогичное. Большинство читателей газет и зрителей ТВ просто *почувствовали* мимолетно эту внутреннюю противоречивость преступления, однако спустя секунду уже выбросили ее из головы и кинулись пожирать новые сводки о том, что еще случилось в мире диковинного, ужасного и загадочного. Тем паче что мир был большой и весь оцифрованный и в нем постоянно происходило множество жутких, забавных и отвратительных событий.

Немногие аналитики — в их числе следователи, опера, частные сыщики, криминальные репортеры — поняли тем не менее, что разноречащего и неловкого имелось в преступлении.

Во-первых, необычной оказалась личность жертвы. Работников телевидения в нашей столице убивали, слава богу, нечасто. А если они вдруг становились жертвами, то ими были высокие руководители, имевшие прямое отношение к финансовым потокам. С другими тружениками ТВ если расправлялись, то по мотивам, традиционным на Руси, то есть на почве ревности, мести или по пьянке.

Однако на сей раз пострадавшей стала женщина, занимавшая высокий пост, но деньгами не рулившая. Ее похороны не освещались широко газетами и тем же телевидением (как это бывало, когда уходила звезда) — однако в них принимали участие все, кто что-то значил в профессии, от Эрнста и Добродеева до звукорежиссеров и операторов. Ничего удивительного, ведь убита была продюсер, автор, главный редактор и режиссер многих популярных программ, четырежды лауреат профессиональной премии ТЭФИ Елена Постникова.

Вторая странность *мокрого дела* заключалась в том, что оно, с одной стороны, имело все приметы преступления заказного: жертву подкарауливали у подъезда ее дома; очевидно, киллер (или киллеры) предварительно тщательно изучил и хорошо знал распорядок дня и привычки женщины. Но убийцы воспользовались не пистолетом, автоматом или обрезом охотничьего ружья. Нет! Душегубец (что крайне необычно в подобных обстоятельствах) использовал нож. Он встретился с Постниковой лицом к лицу и нанес ей четыре удара в область сердца. «Скорая» прибыла оперативно, однако пострадавшая скончалась по дороге в больницу.

Итак, следствие начиналось, по меньшей мере, с двух недоуменных вопросов — почему Постникова и почему нож?

И только человек пять-шесть в стране догадывались, что произошло.

Журналист Дима Полуянов и его подруга Надя Митрофанова знали это почти со стопроцентной уверенностью.

Но, конечно, как ведали и о том, с каким другим убийством было сопряжено это и почему.

А в точности о том, что и почему случилось, ведал лишь один человек — убийца.

ГОДОМ РАНЕЕ

Девушка сидела на подоконнике. Худенькая шейка, золотистые распущенные волосы, точеный овал лица. И — безучастный, без огонька, без единой мысли взгляд.

Мать подошла, произнесла осторожно:

— Аленка!

Девушка повернула головку, но видно было: не узнает. Нервно обхватила себя ручками, отодвинулась. С подоконника на пол шлепнулась тетрадка. Мама скосила глаза, прочитала, вздохнула: как обычно. Бессвязный поток слов: *река цветы роза мороз синь одна кремний лодка.*

Врач, впрочем, учил:

— Пограничное состояние не всегда означает полное отключение от реальности. Нам с вами нужно цепляться за любой проблеск жизни, за крошечную мысль в ее глазах.

Но сейчас во взгляде девушки читался лишь ужас.

— Весна, Аленка, — робко произнесла мать. — На клумбе цветы твои любимые распустились...

Молчит. Отодвинулась от нее еще дальше.

— Помнишь, как называются?

В глазах девушки что-то дрогнуло. Неужели показалось?

— Я очень жду, чтобы ты вернулась домой, Аленушка, — тихо произнесла мама.

Та — слабенько, еле-еле — в ответ улыбнулась. На мгновение подалась к ней — а потом резко отпрянула. Уперлась спиной в оконное стекло. А потом быстрым движением вскочила на ноги — и из всех слабеньких сил ударилась в окно головой.

Мама — безотчетно — ждала звона осколков. Но окна в клинике были непробиваемые.

Алена снова, будто раненая птица, врезалась в стекло.

Женщина в отчаянии отступила.

В комнату уже спешил врач, на ходу вскрывая ампулу. Мимоходом бросил несчастной матери:

— Не волнуйтесь. Приступ сейчас купируем.

И Алена, спустя минуты после укола, успокоилась. Снова вернулась в свою безучастную раковину.

— Неужели она останется такой навсегда? — в отчаянии спросила женщина у врача.

Тот натянуто улыбнулся:

— Нет. Что вы! Конечно, нет. Мы вытянем ее.

Мать девушки с надеждой смотрела в его лицо. Но доктор жестко добавил:

— Приступы закончатся. Но такой, как прежде, она уже не станет. Ни при каких обстоятельствах. Слишком тяжела для нее была травма.

* * *

В Ла Скала на лимузинах мало кто ездит. Прогрессивные люди добираются до театра на мотоциклах. Луиза считала, что это — тоже часть спектакля: когда подруливает мощный «чоппер», за

рулем пожилой джентльмен в смокинге, позади — преклонных лет дама в дорогом шелковом платье. Снимают оба шлемы, приглаживают волосы — и пошагали слушать «Манон». Причем далеко не бедные ведь старички, арендуют на весь сезон ложу бенуара, с легкостью заказывают шампанское по двадцать евро за бокал. Но тратиться на такси или тем паче на представительский автомобиль никогда не станут.

Сама Луиза — в сорок три года! — тоже освоила мотоцикл. Какой смысл трепать себе нервы в трафике и часами искать парковку?

В Ла Скала она (хотя жила в окрестностях Милана) выбиралась нечасто. Времени, да и денег на светскую жизнь не имелось. Но сегодня — впервые за десять лет! — в Италию приехала ее давняя подруга, и Луиза пригласила ту послушать «Манон».

...Встретились у театра. Приятельница восхищенно осмотрела мотоцикл, Луизино нарядное платье. Тепло улыбнулась:

— Ты неподражаема! Настоящая итальянка!

Луиза расцеловала подружку. Искренне произнесла:

— Я очень рада тебя видеть!

По-европейски незаметно ту оглядела. Смотрелась гостья из Москвы неважно. Бледная, глаза, как у собаки породы сеттер: преданные и грустные. Даже модный костюм и высокие каблукы положения не спасали.

«Совсем плохи, наверное, дела в России».

— Побежали! — улыбнулась Луиза. — Второй звонок уже был.

Хотя звонков в прямом смысле слова в Ла Скала не имелось — вместо них люстры сигналили. Два раза потухнут-зажгутся — соответственно, второй.

Дамы поспешили в свою ложу — номер семь, в бельэтаже.

— Хорошо бы на первый ряд никто не пришел! — мечтательно произнесла приятельница.

Луиза улыбнулась:

— Первый ряд — у нас.

— С ума сойти! — ахнула подруга. — Это же шестьсот евро! — Смутилась: — У меня с собой столько нет..

— Брось, — отмахнулась Луиза. — Я угощаю!

Хотя билетики на премьеру (главную партию исполняла Анна Нетребко) ударили по карману изрядно.

Луиза, пусть и была супругой итальянского графа, денег у мужа не брала. Тот прижимист оказался, а уж траты на оперу считал совершенным излишеством. Но, к счастью, супруг не стал препятствовать, когда *русская жена* решила основать в Италии собственный бизнес. Необычный, перспективный, но очень трудоемкий.

Туристы, полагала Луиза, давно уже пресыщены. Устали от традиционных отелей, ресторанов и экскурсий. Чем их привлечь? И открыла в изрядно обветшавшем замке мужа — экологическую ферму. Держала овец, гусей, лошадей, выращивала овощи, клубнику, фрукты, шампиньоны в подвале. Натуральное хозяйство практически. Гостям, которые приезжали на отдых, предлагала чистый воздух, деревянные домики, йогу на рассвете (пре-

подавала сама), пиццу из собственной дровяной печи, домашний козий сыр и прочие природные радости.

Доход дело пока приносило скромный, сил отнимало изрядно, но Луиза умела во всем находить свои плюсы. И каждый день благодарила вселенную за то, что ей не надо ходить в офис, постоянно лавировать и унижаться (как когда-то в России) или выпрашивать деньги у мужа. И что гости, в большинстве своем, оказывались доброжелательными, порядочными, интересными людьми.

— Получается у тебя с твоей фермой? — с искренним любопытством поинтересовалась подруга.

— Кручусь, — улыбнулась в ответ Луиза.

Еще раз взглянула в бледное, почти изможденное лицо давней знакомой. Предложила спонтанно:

— Переезжай в Италию! Я тебя заместителем возьму. С перспективой стать партнером.

— Нет, что ты! — испугалась та. И добавила не слишком уверенно: — У меня и дома... все хорошо.

Русские (себя Луиза уже таковой не считала) с удивительным упорством держатся за свои цепи. А ведь когда-то — много лет назад! — именно у подруги имелись все шансы преуспеть. Не то что у нее самой: нищей, закомплексованной девочки из глухой провинции.

...Люстры в золоченом, предвкушающем действо зале мигнули в третий раз — и свет мгновенно погас. В Ла Скала представление начинают вовремя, никаких поблажек для опоздавших.

— Опера на французском идет, — предупредила подругу Луиза.

— Да ты что! А я специально итальянский освежала! Надеялась, что пойму хоть немного! — расстроилась та.

— Что поделаешь, Массне — композитор французский. А европейцы рьяно блюдут аутентичность, — объяснила Луиза.

И включила монитор с переводом.

— Удобно тут у вас. У нас над сценой слова пишут, — с легкой завистью вздохнула подруга.

— Зато у вас в Большом — роскошнее, — усмехнулась Луиза.

Отзвучала увертюра, раздвинулся занавес. Декорации действительно выглядели минималистски, если не сказать бедненько.

Но приятельница придираться (как любят русские) не стала.

Она смотрела на сцену, легонько постукивала по ручке кресла в такт божественной мелодии, и в глазах ее стояли слезы.

«Что же у нее случилось? Неужели несчастная любовь? В сорок-то с хвостиком?!» — подумала Луиза.

Когда-то они очень дружили, поверяли друг дружке самые сокровенные и страшные тайны. Но с тех пор минуло уже больше двадцати лет. Пути разошлись, жили они в разных странах и общались теперь совсем редко. Уже не потребуешь на правах надежнейшей confidentки: колись, мол, что с тобой. Немедленно!

Оставалось только ждать, что подруга сама расскажет.

...В антракте дамы пошли исполнять обязательный ритуал. Взяли кислого шампанского, очень соленых (но бесплатных!) печенюшек на закуску и уселись на мягкий диванчик болтать.

Луиза улыбнулась подруге:

— Ну, рассказывай! Как ты? Как в России?

— Все по-старому, — отозвалась та. — Работаю. Там же. Надоело уже — сил нет. Бросить бы, заниматься чистой наукой... Но кому она сейчас в нашей стране нужна?

— А личная жизнь? — осторожно поинтересовалась Луиза.

— Ох, разве мне до того! — отмахнулась подруга. И снова — перерезала ее лоб грустная складка.

Луиза не выдержала:

— Слушай, что у тебя стряслось?

— Нет-нет, все хорошо, — поспешно отозвалась приятельница.

Но в глазах ее вновь блеснули слезы.

Отвернулась, пробормотала:

— Прости. Что порчу тебе вечер. Мы же в оперу пришли. Наслаждаться, получать удовольствие!

— Прекрати, а? — слегка повысила голос Луиза. — Плевать на вечер, и на оперу тоже. Мы можем прямо сейчас уйти, сесть в баре и взять бутылку граппы. Немедленно рассказывай!

И подруга не выдержала:

— С Аленкой у меня проблема. Очень серьезная, — тихо произнесла она. — И я просто не знаю, что теперь делать.

* * *

Как врач и обещал, из клиники дочь вернулась домой.

— В школу отправлять ее не спешите, — напутствовал доктор. — И вообще — не дергайте. Пусть делает, что хочет.

Но девочка не хотела ничего. Сидела целыми днями у окошка, смотрела невидящим взглядом на улицу. И даже в тетрадке своей больше не писала.

— Аленка, давай ходим в кино! — теребила мать.

— Не хочу, — буркала в ответ дочь.

— Я купила вкусный торт к чаю...

И снова — равнодушный вопрос:

— Зачем?

Совсем за собой не следила, роскошные, медового цвета волосы сваялись, стали словно войлок. Включит мама телевизор — уставится в экран. Выключит — переведет взгляд на стену. И молчит. А ведь когда-то болтать могла без умолку. И смеяться. И бесконечно примерять наряды. Писала стихи, рисовала, сидела в чате, читала английские книжки, бегала на аэробику, краснела, когда получала эсэмэски от мальчишек, пела, танцевала. Жила полной жизнью. До того рокового дня, который перечеркнул их бытие надвое. На до — и после.

И оставлять все как есть было никак нельзя.

В этом мама не сомневалась.

* * *

Человека скучнее, чем его родительница, Сашка в мире не знал. Только два имелось у маман состояния: или работала, или занудствовала. И никаких, сколько он помнил себя, человеческих радостей не позволяла. Ни себе, ни сыну родному.

Она даже одевалась — глянешь, и от скуки аж зубы заломит. Кофточки блеклых расцветок, серые юбки, всегда одинаковая, бесформенная прическа. Что взять с училки! Мазер, многостаночница, преподавала у них в школе английский, русский и литературу. А еще бралась за переводы и даже чужие тексты перепечатывала, если находились охотники платить. Сашке казалось: в какое время ни выползи на кухню — хоть в два часа ночи, водички хлебнуть, хоть в семь утра, завтракать, — маменька вечно за столом горбится. То тетрадки школьные проверяет, то словарями обложится и переводит скучнейшую техническую заумь. Пока был маленький, еще пытался упросить ее порисовать с ним, поиграть, в салки побегать. И с раннего детства же запомнил: вечно укоряющий взор, недовольный тон:

— Саша, какие игры?! Мне нужно работать.

Однажды — уже подростком — не выдержал. Спросил:

— Слушай, ты вообще умеешь жизни радоваться, улыбаться хотя бы?!

Ждал, что разозлится, велит не задавать глупых вопросов, однако мать лишь вздохнула:

— Когда-то умела. Душой компании была.

— А почему разучилась?

— Жизнь, Сашка, такая. Не до смеха. Думаешь, легко две ставки тянуть, да еще подработки?

Впрочем, сколько ни пахала, а жили они так себе. В отпуск мама никуда не ездила, а его на каникулах отправляла только в детские лагеря (если удавалось льготную путевку достать). Телевизору — лет сто, все краски выцвели, компьютера или даже простенького смартфона у Сашки не имелось. Попытался влиять на мать, укорял:

— Что за жизнь у нас с тобой! Вообще никаких удовольствий!

Но матушка сухо ответствовала:

— На удовольствия нужны время и деньги. А я одна нас обоих кормлю. Плюс плачу за твою гимназию!

Впрочем, Сашка не сомневался: даже будь у мамы лишние деньги и время, все равно не станет она развлекаться. Может, когда-то и была хохотушкой, но сейчас жизнь прижала. Скрытной родительница стала, сухой, нерадостной. Никаких подруг, никогда в доме у них не устраивалось вечеринок, не бывало спиртного. Даже на Новый год обходилась единственным бокалом шампанского и самым началом «Огонька», а уже в час ночи отправлялись спать.

Покуда Сашка был мелким, приходилось терпеть: бесконечные уроки, английский, режим и скучные фильмы по телеканалу «Культура».

Но теперь он вырос — целых пятнадцать! — и против маминой диктатуры восстал. Все чаще, с разрешением или без него, сматывался из дома. Тусовался с друзьями, смотрели нормальное кино по ди-ви-ди, задирали девчонок, учились курить,

резались в карты. Маман скандалила, постоянно гонялась за ним: то с «Островом сокровищ» на английском, то с идеей, чтоб он тоже шел подрабатывать. На почту, за три тысячи в месяц — смех!

Сашка мамину идею зарубил на корню: пусть родительница сама горбатится за копейки. А он для себя уже решил, что специальность будет получать простенькую, но денежную. Автослесарь, установщик кондиционеров, даже повар — если нормально устроятся! — получают в разы больше, чем школьная училка, свободно владеющая английским.

А пока что удалось наврать, что ему уже семнадцать, и устроиться барменом. Точнее, мальчиком на побегушках при бармене. Подавал бутылки, мыл стаканы, смотрел, как смешивают коктейли. К чаевым сопляка, конечно, не допускали, но пресловутые три тысячи он влегкую зарабатывал за неделю! Хоть джинсы себе нормальные смог купить и пару правильных маек, а теперь копил на комп.

Но мамино умение монотонно, старательно откладывать каждую копеечку Сашка не унаследовал. Столько искушений вокруг! И коктейли, и сигареты, и девчонки постоянно клянчат: то цацку, то шампусик. Еще в карты с пацанами играли. Тоже на деньги. Ставки не бог весть какие, но штуку за полчаса Сашка однажды спустил. Обидно, конечно, зато — впервые в жизни своей скучнейшей! — почувствовал: мир вокруг — не упорядоченный, не серый. Он полон ярких красок, непредсказуем, азартен!

Вольной жизнью Сашка старался не злоупотреблять: все ж таки жаль было совсем уж разочаровывать мамашу. Уроки кое-как, но учил; когда парни на спор решили магнитоу из чужой машины вытащить, в аванюре не участвовал. Маман — по-прежнему вся в работе — пребывала в святой уверенности: сынуля ее — почти пай-мальчик. Троек в дневнике почти не бывает, в школу не вызывают.

Но однажды попались: резались на школьном стадионе в «очко» и не заметили, как директор подкрался. Начал вопить, изъясил колоду, деньги, что стояли на кону, и велел на следующий день всем явиться с родителями.

Сашка расстроился. Нет, бить или под замок сажать мамаша не будет. Но представлял, как вспыхнут разочарованно ее выцветшие от постоянного корпения над книгами глаза, вытянутся в укоризненную струнку губы, — и настроение совсем стало нулевым.

Вечером выбрал минутку, когда маман, между проверкой школьных тетрадок и очередным переводом, присядет передохнуть на продавленный, ветхий диванчик, и бухнул:

— Тебя Пал Палыч вызывает.

— Павел Павлович? — удивилась она. — Зачем? Мы с ним сегодня на педсовете виделись.

И Сашка, понурясь, поведал о своем преступлении.

— Ты играешь в карты? На деньги?! — Мама выглядела растерянной.

— Да какие там деньги, — насупился Сашка, — на интерес. Сто рублей, от силы, на кону.

— И во что же вы играете?

— А, ты все равно не знаешь, — отмахнулся он.

— И все-таки?

— Ну, в «очко».

Мама продолжала испепелять укоризненным, скорбным взглядом.

— Ну, ма-ам! — заныл Сашка. — Ну не буду, не буду я больше!

Мать молча встала с продавленного диванчика. Вышла из комнаты. «Неужели реветь пошла?» — гадал Саша. Но нет — вернулась быстро, глаза — сухие. А в руках — он просто глазам своим не поверил! — запечатанная карточная колода.

Похоже, ждал его очередной *педагогический прием*. Матушка подобные штучки обожала. Выписывала, например, на карточки всякие невинные словечки типа «блин» или «отстой» и заставляла сына ритуально их сжигать. Неужели сейчас и колоду карт (а ведь дорогие, на хорошей бумаге, откуда только в их доме взялись) спалит?

Но нет!

Маман коробочку распечатала, высыпала карты на стол, ловко — только пальцы с коротко остриженными ногтями мелькали — выстроила подобие домика, с треском разрушила его, лихо картишки перемешала.

Саша взглянул на нее чуть ни со страхом:

— Эй, мам! Ты чего?

А она холодно улыбнулась:

— Почему играем? По сто — или на пятьсот решишься?

— С тобой? Играть?! — искренне изумился он.

Мама же небрежным жестом метнула на стол тысячную купюру:

— Я поставила. Отвечай.

Сашка хмыкнул. Сбежал к своему тайничку. Притащил восемь тысяч — все, что было.

Матушка ловким жестом швырнула ему девятку, пятерку и двойку.

Он только считать начал — маман уже улыбается:

— Шестнадцать. Еще?

— Ну... давай.

И — оп-па! — сразу перебила блек-джеком.

Без стеснения загребла его тысячу.

Тут же сдала карты снова. Еще хуже: две семерки. А себе — двух дам.

Сашка в восхищении взглянул на нее, молвил:

— Мам! Ты, что ли, шулер?

Она холодно улыбнулась:

— Ставь еще тысячу и сплитуй.

— Чего?

— Даже терминов не знаешь, — укорила. — Удваивай ставку и разделяй. Другого выхода нет.

— А смысл? — вздохнул сын.

Но деньги поставил.

К первой семерке пришли туз и тройка — очко! Только вторую ставку проиграл.

— Хотя бы при своих! — похвалила мама.

Но, несмотря на ее подсказки, восемь его тысяч уплыли — двадцати минут не прошло.

Надеялся, мама проигрыш вернет — нет, аккуратно расправила купюры, положила в старенький, из кожаменителя, кошелечек. Произнесла снисходительно: